

Нефть как драйвер экономического роста: оценка со стороны спроса

Комментарий 5/2018
2 апреля 2018 г.

Александр Чубрик

Проект финансируется
Европейским Союзом

Исследовательский
Центр ИПМ

пр-т Газеты «Правда» 11, комн. 315
220116, г. Минск, Беларусь
тел./факс: +375 (17) 207 4725
веб-сайт: <http://research.by/>
e-mail: research@research.by

Влияние нефти на экономику Беларуси, как правило, рассматривается в контексте «российской энергетической субсидии» – разницы в цене российских нефти, газа и нефтепродуктов для Беларуси и соответствующих рыночных цен. Подобные оценки регулярно делает Международный валютный фонд¹; также они приведены в недавнем обзоре Исследовательского центра ИПМ². Задача этого комментария – оценить прямое влияние нефтяной торговли на рост реального ВВП Беларуси.

Методологические замечания

Для начала нужно определиться с тем, что мы понимаем под нефтяной торговлей. Беларусь импортирует (как правило, из России) сырую нефть и перерабатывает ее, а собственную сырую нефть, как правило, экспортирует. Кроме того, Беларусь импортирует нефтепродукты (в основном российские), а также экспортирует ряд квазинефтяных товаров, причем некоторые из них, судя по всему, являются реэкспортом российских нефтепродуктов³ (но формально большинство из них производится и экспортируется как продукция нефтехимии).

Рис. 1. Оценка вклада нефтепереработки в прирост реального ВВП⁴, проц. пунктов

Источник: собственные расчеты на основе данных Белстата.

¹ См., например, IMF Country Report No. [10/16](#) (с. 17), IMF Country Report No. [14/226](#) (с. 7) и др.

² IPM Research Centre (2018). [Macroeconomic Update: How big is the Russian energy subsidy to Belarus](#), No.2 (17).

³ По крайней мере, на том, что это реэкспорт, который позволяет российским производителям уходить от оплаты нефтяных

уже на этом этапе возникает первая проблема оценки вклада нефти в прирост реального ВВП со стороны производства: если объемы первичной переработки нефти известны, то более-менее точно оценить вклад квазинефтяных товаров в химическую промышленность на основе доступных данных не получится. Вторая проблема состоит в том, что до 2010 г. нефтепереработка не была самостоятельной отраслью обрабатывающей промышленности, а входила в топливную промышленность, и доступные «чистые» данные за период до 2010 г. найти довольно сложно. По нашим оценкам, вклад нефтепереработки⁴ в прирост ВВП в 2010–2017 гг. в среднем не существенно отличался от нуля и колебался от -1 до +0.7 процентного пункта, при этом 1 процентный пункт вклада в прирост реального ВВП соответствовал приросту производства в нефтепереработке примерно на 20% (см. рис. 1).

В свою очередь, оценка вклада нефти в прирост реального ВВП со стороны спроса позволяет более полно учесть все потоки: импорт нефти и нефтепродуктов с одной стороны и экспорт нефти, нефтепродуктов и квазинефтяной экспорт с другой стороны.

Используемые данные

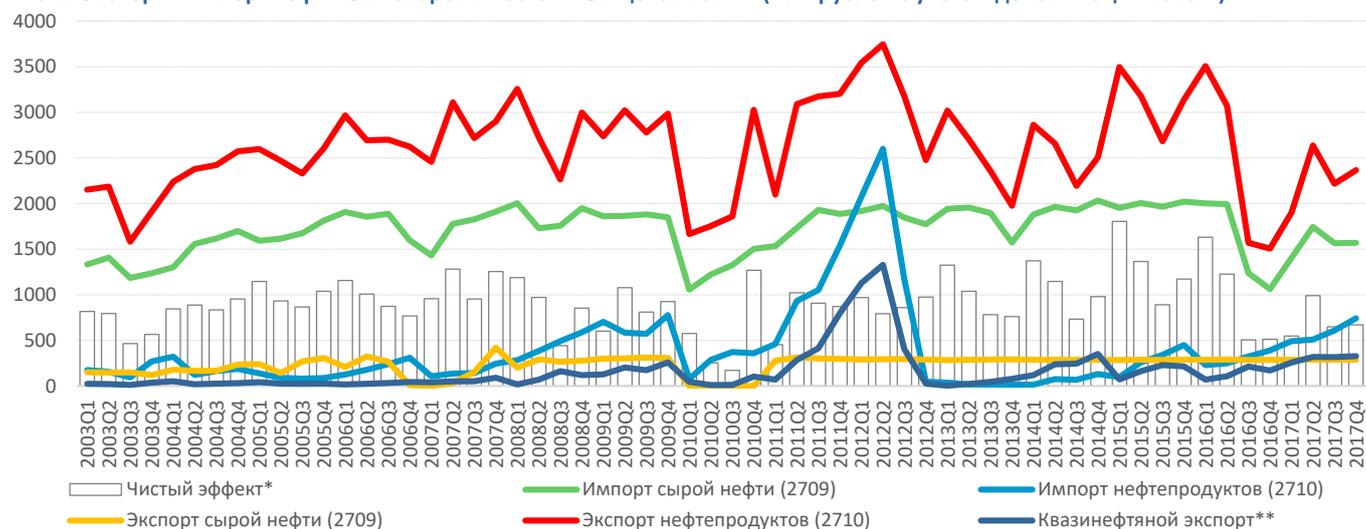
Для расчетов доступны данные торгового баланса о стоимости и объемах экспорта и импорта по кварталам с 1998 г. (более точные – с 2003 г.), а также ВВП в постоянных ценах 2014 г. Для сопоставимости квартальные данные об экспорте и импорте нефтяных товаров за 2014 г. были переведены в белорусские рубли, а затем пересчитаны в средние цены 2014 г. (базовый год⁵). На основе данных за 2014 г. о стоимости экспорта и импорта в постоянных ценах базового года и динамики физических объемов экспорта и импорта соответствующих товаров были рассчитаны ряды в постоянных ценах. Динамика экспорта и импорта нефтяных товаров в постоянных ценах 2014 г. приведена на рис. 2.

пошлин, настаивала российская сторона, когда закрыла подобные схемы в 2012 г.

⁴ Отрасль «Производство кокса и продуктов нефтепереработки».

⁵ 2014 г. принят за базовый, поскольку в настоящее время Белстат использует его для оценок ВВП в постоянных ценах.

Рис. 2. Экспорт и импорт нефтяных товаров в постоянных ценах 2014 г. (млн рублей с учетом деноминации 2016 г.)

* суммарный экспорт минус суммарный импорт. ** включает товарные группы 2713, 2715, 3403 (со 2 кв. 2011 г. по 3 кв. 2012 г.), 3811 (со 2 кв. 2014 г.) и 3814 (с 1 кв. 2008 г. по 3 кв. 2012 г.)⁶.

Источник: собственные расчеты на основе данных Белстата.

Влияние нефтяной торговли на реальный ВВП

Оценка нефтяного экспорта и импорта в постоянных ценах позволяет рассчитать суммарный эффект от нефтяной торговли для реального ВВП. Этот эффект был довольно стабилен до 2010 г., когда произошло обострение отношений между Беларусью и Россией, вылившееся в резкое сокращение поставок российской нефти в Беларусь и соответствующее снижение вклада нефтяного экспорта в реальный ВВП. После налаживания отношений между сторонами нефтяной импорт восстановился, а вместе с ним восстановился и даже несколько увеличился чистый эффект от нефтяной торговли. После очередного конфликта между сторонами (на этот раз по поводу цены газа), который вылился в сокращение поставок российской нефти, чистый эффект от нефтяной торговли снова уменьшился. Таким образом, нельзя сказать о том, что есть выраженная тенденция к увеличению или снижению эффекта от нефтяной торговли для реального ВВП – скорее он зависит от уровня политических взаимоотношений между Беларусью и Россией и ограничен сверху мощностями белорусской нефтепереработки. Далее будет рассмотрен вклад каждого из компонентов нефтяного экспорта и импорта в прирост реального ВВП.

Вклад нефтяной торговли в прирост реального ВВП

Беларусь добывает чуть более 1.6 млн т *собственной нефти*; до 2009 г. она экспортировала часть добываемой нефти, а часть – перерабатывала. С 2009 г. экспортируется практически 100% добываемого объема⁷.

Поскольку увеличения добычи не происходит (месторождения были значительно истощены в советское время), то и вклад экспорта сырой нефти (код ТН ВЭД 2709) в прирост ВВП является нулевым.

Импорт российской нефти связан с *экспортом нефтепродуктов* – экспортируется все, что не потребляется внутри страны, то есть чем больше импорт нефти, тем большим будет эффект от экспорта нефтепродуктов – но максимальный объем переработки составляет около 24 млн т в год, что ограничивает вклад экспорта нефтепродуктов в прирост ВВП.

Здесь действует ряд дополнительных факторов, которые влияют на объемы экспорта нефтепродуктов. Во-первых, это цена импортируемой нефти. Чем ближе она к мировой, тем меньше возможностей у Беларуси продавать нефть на дальние расстояния. Когда Россия начала «налоговый маневр», Беларусь начала переориентировать поставки нефтепродуктов с дальних расстояний (Великобритания и Нидерланды) на короткие (Украина), чтобы минимизировать транспортные издержки. В результате Украина стала основным рынком для поставок белорусских нефтепродуктов, что делает их экспорт более уязвимым⁸.

Другим важным фактором является разница во внутренних розничных ценах на нефтепродукты и их розничных ценах в соседних странах. Поскольку цена в Беларуси существенно ниже, это создает стимулы для контрабанды нефтепродуктов (прежде всего в Литву и Польшу), а объем их вывоза физическими лицами мо-

⁶ Подробнее см. IPM Research Centre (2018). [Macroeconomic Update: How big is the Russian energy subsidy to Belarus](#), No.2 (17).

⁷ За исключением 2010 г., когда на фоне резкого падения поставок российской нефти Беларусь была вынуждена отправить всю собственную нефть на переработку.

⁸ Украина может быть заинтересована в ограничении импорта белорусских нефтепродуктов для защиты собственных производителей, см. <https://news.tut.by/economics/586806.html>.

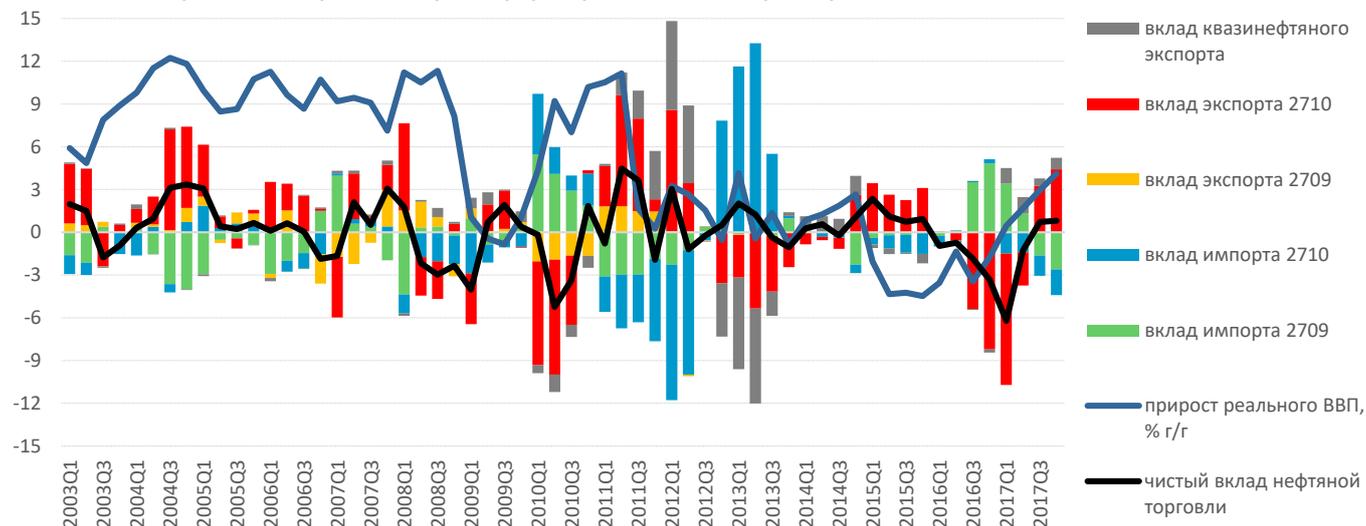
жет оказываться весьма значительным. Соответственно, это выглядит как увеличение внутреннего потребления и сокращает вклад экспорта нефтепродуктов в прирост ВВП.

Импорт российских нефтепродуктов идет либо на внутреннее потребление, либо реэкспортируется как *квазинефтяные товары* с целью уклонения российскими производителями от уплаты экспортных пошлин в российский бюджет. Следовательно, чистый

вклад импорта нефтепродуктов из России будет либо отрицательным, либо нулевым.

Таким образом, итоговый вклад нефтяной торговли в прирост реального ВВП будет целиком определяться экспортом нефтепродуктов и факторами, на него влияющими. За рассматриваемый период (2003–2017 гг.) он колебался от -6.2 до +4.5 проц. пунктов (темпы прироста реального ВВП находились в пределах от -4.5 до +12.2% г/г), а в среднем был близок к нулю, см. рис. 3.

Рис. 3. Вклад нефтяных экспорта и импорта в прирост реального ВВП, проц. пунктов

Источник: собственные расчеты на основе данных Белстата.

Некоторые выводы

В данном комментарии не рассматриваются номинальные эффекты торговли нефтью: безусловно, они весьма значительные (доходы бюджета от нефтяных пошлин и налога на прибыль нефтеперерабатывающих заводов и нефтетрейдеров, возможность поддерживать низкие цены на нефтепродукты внутри страны и т.д.). Вклад же нефтяной торговли в прирост реального ВВП в среднем близок к нулю, хотя в определенные периоды времени она играла заметную роль драйвера экономического роста. Как минимум однажды это даже имело последствия для экономической политики: после глубокого валютного кризиса 2011 г. белорусские власти были готовы начинать реализацию подготовленной ими программы реформ, но резкое увеличение реэкспорта российских нефтепродуктов в 1 кв. 2012 г. обеспечило прирост реального ВВП, хотя прогнозировалось его снижение. Это стало поводом для немотивированного оптимизма, и вместо программы реформ была развернута очередная программа модернизации, закончившаяся валютным кризисом конца 2014 – начала 2015 гг.

Важным вызовом для белорусской нефтепереработки является завершение налогового маневра в России. Если Россия полностью заменит нефтяные экспортные пошлины налогом на добычу полезных ископаемых, то цена нефти для Беларуси максимально приблизится к рыночной, и транспортные издержки будут

ограничивать расстояние белорусского экспорта нефтепродуктов. В такой ситуации белорусские производители будут конкурировать главным образом на рынках соседних стран. Следовательно, налоговый маневр не только сведет к нулю нефтяную составляющую российской энергетической субсидии, но и ограничит экспорт и, соответственно, влияние нефтяной торговли на ВВП. Поэтому важно завершить модернизацию белорусских НПЗ сейчас, пока условия поставок нефти остаются благоприятными.

Еще одной задачей сохранения потенциала белорусской нефтепереработки в меняющихся условиях является максимальное повышение прозрачности экспортных поставок и уменьшение субсидирования внутренних потребителей. И то, и другое позволит повысить рентабельность НПЗ и провести их модернизацию с как можно меньшим увеличением долговой нагрузки.

Позиция, представленная в документе, отражает точку зрения авторов и может не совпадать с позицией организаций, которые они представляют, а также ни в какой мере не может рассматриваться как позиция Европейского союза.

2018 © Исследовательский центр ИПМ

Автор: [Александр Чубрик](#),
директор Исследовательского центра ИПМ